

КОРЕЯ И РУССКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX - начале XX вв. традиционно приоритетный в экономическом и геополитическом отношении балканско-ближневосточный сектор внешней политики Российской империи уступил свое первенство дальневосточному направлению. Стремясь не отстать в борьбе европейских стран за приобретение сфер влияния и установление экономического господства в восточноазиатском регионе, царская дипломатия постепенно утверждала здесь свои позиции. Помимо Китая, где сталкивались интересы многих держав, объектом русско-японского соперничества стала Корея.

НЕДАЛЬНОВИДНАЯ ПОЛИТИКА

Еще в 1896 г. Россия подписала секретное соглашение с корейским правительством о введении русского военного инструктажа и контроля над финансами страны, а затем приобрела на имя частного лица, тайного советника Непорожнева, концессию Ю.И.Бринера на разработку лесных богатств в системе рек Туманган и Амноккан. Данная концессия рассматривалась как первый шаг к учреждению лесного общества, задачей которого ставилось распространение сферы русского влияния на огромные площади от устья р. Амноккан до устья р. Туманган с целью поставить «защлон между нами и водворившимися в Южной Корее японцами»¹.

В 1903 г. было основано Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке, которое стало осуществлять самостоятельные действия по захвату земель, привлекало вооруженную стражу на территорию концес-

И.Е. ВОРОНКОВА

Кандидат исторических наук
(Орел)

сии, вызывая недовольство корейского правительства.

Подобные действия России вызвали резко негативную реакцию Японии, претендовавшей на особое положение в восточноазиатском регионе. По сообщению действительного статского советника Павлова российскому министру иностранных дел В.М.Ламздорфу, японское правительство в самой решительной форме требовало от корейцев «немедленного обязательства открыть Ялу для иностранной торговли, угрожая, в случае отказа, послать к корейским берегам значительные военно-морские силы для фактического осуществления своего домогательства»².

Часть правительственных деятелей Японии (Ито, Кацура, Комура, Ямагата), используя сложившуюся в Корее и Маньчжурии напряженную ситуацию, предложили России своеобразный обмен. При сохранении независимости и неприкосновенности Китая и Кореи они предлагали признать преобладающие интересы Японии в Корее и особые интересы России в железнодорожном строительстве в Маньчжурии, а также признать за Японией относительно Кореи, а за Россией относительно Маньчжурии право принимать меры для защиты интересов торговли и производства для всех наций в этих странах. Однако российская сторона отказалась обсуждать маньчжурский вопрос.

Окончательное решение в пользу мирного или силового варианта разрешения проблемы мог принять только Николай II, в по-

пытке воздействовать на которого столкнулись две группы: сторонники умеренного курса С.Ю.Витте и В.Н.Ламздорф, понимавшие несвоевременность внешнеполитических осложнений для России в условиях внутренней нестабильности, и возглавляемая статс-секретарем А.М.Безобразовым группа, проводившая мысль о возможности силового утверждения России в Корее и Маньчжурии. Используя, по словам Витте, «стихийное желание (Николая II. - *И.В.*) двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами»³, «безобразовская группа» убедила императора в «легкости дальневосточной прогулки».

Печальным следствием недооценки военной мощи Японии стало легкомысленное отношение российских правительственных и военных кругов к подготовке и ведению войны, что привело к поражению России в военном противостоянии с японской империей, поддерживаемой Англией и США. Согласно Портсмутскому мирному договору, заключенному 23 августа (5 сентября) 1905 г., в числе прочих статей, Россия признала за Японией преобладающие интересы в Корее. В декабре 1905 г. и китайское правительство приняло все уступки, сделанные Россией по вышеуказанному договору, дав разрешение организовать на р. Ялу японо-китайское лесопромышленное общество. Согласно секретной части общеполитической конвенции, подписанной в Петербурге 17(30) июля 1907 г. представителями России и Японии, российская сторона обязалась не чинить препятствий действиям Японии в Корее, «признавая (между ними. - *И.В.*) отношения политической солидарности»⁴.

Япония получила по результатам войны полное экономическое и политическое господство над Кореей. 18 ноября 1905 г. по «Договору о покровительстве» Корея передала правительству Японии и его дипломатическим представителям за границей руководство внешними сношениями страны. Отныне все договоры могли быть заключаемы только при посредничестве Японии. Ранее заключенные договоры оставались в силе, но их исполнение осуществлялось под контролем Японии. При корейском дворе в качестве японского представителя назначался генерал-резидент для заведования дипломатическими делами - им стал маркиз Ито Хиробуми.

Англия и США, связанные с Японией договорами, признали новый статус Кореи, понизив ранг своих дипломатических представительств до консульств, аккредитованных при генерал-резиденте. К началу 1906 г. в Корею не осталось ни одного иностранного посланника, все они были заменены консулами. Россия, пытавшаяся поставить вопрос о принятии экзекватуры (разрешение на право осуществлять консульские функции. - *И.В.*) от корейского императора, но не получившая в этом поддержки западных держав, вынуждена была уступить японской стороне и, признав ее права на заведование внешними сношениями Кореи, принять экзекватуру от японского правительства.

ВЫНУЖДЕННОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ

«Договор о покровительстве», навязанный стране Японией, вызвал подъем освободительного движения в Корею. Во всех уголках страны начали появляться антияпонские общества, пытавшиеся своими действиями избавиться от японского протектората. Спектр противодействия корейских патриотов японским властям был весьма широк: от активных форм сопротивления (покушения на корейских министров, участвовавших в подписании договора о протекторате Японии над Кореей) до распространения прокламаций с требованием

уничтожить японский протекторат и организации движения за отказ от курения и расходов на некоторые предметы роскоши с тем, чтобы выплатить государственный долг, который Токио ссудил Корею.

Сославшись на насильственный характер заключения договора, и в надежде на поддержку России корейский император Коджон отказался его ратифицировать. Однако жалобы последнего о «неисчислимых бедствиях», терпимых от Японии, и выраженные надежды на «великодушное покровительство России»⁵ не имели успеха. Объяснялось это сложностью внутривосточной обстановки в стране и позицией, занятой внешнеполитическим ведомством России. Положение, созданное Портсмутским договором, с точки зрения мирного развития русских интересов на Дальнем Востоке, признавалось, по мнению главы МИД А.П.Извольского, весьма неопределенным и далеко невыгодным и даже небезопасным. «В Корею японцам была предоставлена полная свобода действий в сфере «руководства, покровительства и надзора», тогда как из договорных прав наших в этой стране сохранилось лишь право наибольшего благоприятствования и то лишь, по точному смыслу мирного договора, за русскими подданными», - говорил 31 августа 1907 г. в совещании министр Извольский. Поэтому любое вмешательство в корейские дела грозило осложнением отношений с Японией, что не входило в российские планы.

Глава МИД подчеркивал, что Корея является для Японии большим местом, которого никоим образом нельзя касаться, чтобы не уничтожить все предыдущие старания, приложенные к установлению «доверчивых» русско-японских отношений. Генконсулу России в Корею Г.А.Плансону были даны четкие указания: «...тщательно воздерживаясь от всяких обещаний, которые могли бы внушить Его Величеству (корейскому императору. - *И.В.*) несбыточные надежды и быть может ухудшить его отношение к японцам, тем не менее, все же поддерживать в нем уве-

ренность в неизменном к Нему благоволении Государя Императора»⁶, который пожелал Коджону «не падать духом и ... надеяться на лучшие времена»⁷.

Будучи официальным проводником российской политики в Корею, Плансон все же считал важным сохранить приличествующую великой державе линию поведения. Он предлагал строить отношения с Японией относительно Кореи, основываясь на довоенных русско-корейских соглашениях и отсутствии упоминания в Портсмутском договоре об изменении принципа независимости Кореи.

В данном случае имелись в виду: право плавания вокруг корейских берегов; занятие рыбными и другими промыслами; право дипломатического и консульского представительства; открытие для русской торговли различных пунктов Кореи и широкая торговля в этих пунктах (Сеул, Гензан, Фунзан, Чемульпо, Кенхын); право юрисдикции над русскими подданными; право для русских военных судов заходить во все, даже неоткрытые, порты, и производить в них съемки и промеры; свобода путешествий по стране и ученых исследований, а также право отправлять курьеров, которые не могли быть задерживаемы в пути⁸.

По мнению Плансона, русское представительство в Корею не должно было вмешиваться в японские распоряжения, стараясь сохранить наилучшие отношения как с корейцами, так и с японцами. Однако в случае отсутствия добровольного согласия корейской стороны в отношении той или иной меры Японии, Россия на полном основании могла заявлять протест японской стороне. «Подобные протесты, хотя бы в самой дружественной форме, безусловно необходимы, дабы поддерживать в японском правительстве уважение к правам России и не поощрять его к дальнейшим нарушениям договора»⁹, - писал генеральный консул в записке о задачах русской политики в Корею.

Однако в ответных инструкциях МИД в очередной раз подчеркивалось, что деятельность

Плансона не должна вызывать никаких сомнений у японской стороны относительно чистосердечного и откровенного признания господствующего положения Японии в Корее. Предлагалось не искать никакого знакомства с корейским императором, а если таковое и состоится, то исключительно через посредничество японского резидента. Более того, по настоянию Извольского Плансон вынужден был избегать любых встреч с корейскими представителями, и, если до него все же доходили через десятки рук просьбы корейцев, он отвечал им либо отрицательно, либо вообще не давал ответа¹⁰.

Оказавшись, таким образом, без российской поддержки, Коджон принял решение отправить своих уполномоченных на Гаагскую конференцию с тем, чтобы объявить о желании корейского правительства восстановить прямые дипломатические отношения с иностранными государствами. Определенные надежды на успех данного предприятия внушало то, что председателем конференции был российский представитель А.И.Нелидов. Однако попытки встретиться с Нелидовым закончились неудачей, так как Россия помнила условия Портсмутского договора и не желала осложнять отношения с Японией¹¹. Для США, Англии, Франции и Германии напоминание, сделанное японской стороной относительно «Договора о покровительстве» Японии Корее и передаче первой всех внешнеполитических сношений, стало достаточным основанием к отказу признать корейскую делегацию. В итоге, тревоги японской стороны относительно позиций крупнейших держав улеглись, что привело к дальнейшей активизации ее действий в Корее¹².

В ПРЕДВЕРИИ АННЕКСИИ

6(19) июля 1907 г. император Коджон под давлением Японии подписал свое отречение в пользу наследника Сунджона, и по соглашению 11(24) июля того же года («Договор семи статей». - *И.В.*) управление страной стал осуществлять генерал-резидент.

Власть императора становилась формальной. Его совершенно устранили от дел и поставили под японский надзор. «Несмотря на желание сохранить принцип независимости этой страны, так как соседство независимой слабой Кореи, - отмечал в своих донесениях Плансон, - во всех отношениях выгоднее для нас (России. - *И.В.*) всякого чужеземного в ней господства»¹³, русская сторона вынуждена была согласиться с действиями Японии в Корее, выторговав себе в обмен привилегированное положение в Монголии.

Подтвержденная в очередной раз свобода действий позволила японцам в августе 1907 г. расформировать корейскую национальную армию. Было упразднено военное министерство, а в июле 1910 г. была распущена корейская полицейская служба. По мнению Плансона, особенность японского протектората над Кореей состояла в том, что он был основан не на общих основаниях международного права и не в интересах корейского народа, а исключительно «...только на преследовании эгоистических задач японской политики, т.е. извлечения из Кореи возможной материальной выгоды и установлении в ней стратегической наступательной базы»¹⁴.

Политика генерал-резидента Ито предусматривала активную колонизацию Корейского полуострова выходцами из Японии, преимущественно земледельцами. Чтобы укрепить колонистов на новой родине, велось строительство школ, больниц, в городах и крупных местечках строились водопроводы, проводилось электрическое освещение, в портах оборудовались пристани. Проводя политику смешивания корейского и японского народов, Япония преследовала цель избежать возможных проявлений недовольства корейцев в случае присоединения Кореи к Японии.

Значительно усиливались позиции и японской торговли. По сообщениям чиновника по дипчасти при Приамурском генерал-губернаторе Н.Богоявленского, «...в торговой сфере японцы захватили (в Корее. - *И.В.*) всё. Даже иностранцы и те вытеснены с давно

занимаемых ими в торговле и промышленности позиций»¹⁵. Так, выданная в 1904 г. американской фирме Кольбран и Боствик концессия на разработку рудников, не была реализована даже на 1907 г., так как «...были сделаны тысячи препятствий и возражений; дело Кольбрана тянется более года...»¹⁶. В августе 1909 г. японскому торговому обществу удалось приобрести от компании Кольбран выгодную концессию на электрические трамваи и телефоны в Сеуле, что явилось значительной победой над американскими предприятиями¹⁷. В 1909 г. перестали допускаться к рыбной ловле китайцы. «Многочисленные китайские суда, - сообщал новый российский генконсул в Корее А.С.Сомов, - удаляются насильно или ловят контрабандою, что дает повод к постоянным столкновениям»¹⁸.

УЩЕМЛЯЯ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Переходили в руки японцев и некоторые русские земельные участки в Корее. До войны России принадлежало значительное их количество: пять консульских участков - в Чемульпо, Фусане, Масанпо, Мокпо и Цинанпо; около двух десятков частных участков и казенных, приобретенных либо на частные лица, либо на ведомства¹⁹. Частные и правительственные участки японский генерал-резидент маркиз Ито согласился вернуть, поставив под сомнение возможность возвращения участков, приобретенных, на взгляд японцев, в целях стратегических. Не желая обострять отношения с японской стороной, царское правительство ограничилось тем, что России были возмещены израсходованные на их приобретение денежные средства²⁰.

Активно наступали японцы на русские торговые интересы, имевшиеся в Северной Корее. С одной стороны, население Северной Кореи находилось в экономической зависимости от Уссурийского края, находя в нем заработки, а с другой - Южно-Уссурийский край не мог обходиться без корейского скота. Учитывая прибыль, которые можно было получить от

перевозок, японская сторона стремилась захватить в свои руки сообщение между портами Северной Кореи и Владивостоком. В связи с этим особо возросло значение северного порта Гензан, который, будучи 3-м по общей корейской торговле, являлся первым по торговле с Россией.

Отмечая усиление японского торгово-промышленного влияния, генконсул России в Корее Плансон считал, что российская сторона должна уделять больше внимания северной Корее и оказывать ей покровительство, ибо «...в противном случае вся наша торговля с Кореей легко может перейти в японские руки в ущерб экономическому развитию Южно-Уссурийского края»²¹. В связи с этим он указывал на целесообразность учреждения в Гензане и Кенхэне консульств для защиты экономических интересов России.

Несомненно, экономическое соперничество России и Японии в Северной Корее вызывало тревогу российских дипломатов, но еще большую проблему создавала угроза безопасности границ России ввиду появления японских военных баз на восточном берегу северной Кореи. В доверительной инструкции консулу А.С.Сомову от 9.10.1908 г. Г.А.Плансон писал: «...японцы деятельно работают над созданием в Корее военного базиса на случай движения на север. Вооруженный захват территории Нангана на самой нашей и китайской границах, военный лагерь на р. Ялу и скрытные работы над созданием портов и складов на восточном берегу северной Кореи, поблизости от Владивостока, явно доказывают, что японцы склонны нарушить статью вторую Портсмутского договора»²². Подобного мнения придерживался и чиновник по дипчасти при Приамурском генерал-губернаторстве Н.Богоявленский, отмечавший, что «соседство Кореи с нами (Россией. - И.В.) заставляет их (японцев. - И.В.) еще усиленнее работать над своим укреплением и упрочением там, чтобы, в случае нужды, вернее нанести нам удар»²³.

Донесения агентов МИД сообщали о спешном обучении ко-

рейских войск японскому строю, созданию двух новых обширных портов²⁴. По всему северо-восточному побережью Кореи проводилась топографическая съемка²⁵. Общее число войск на конец 1908 г. составляло около 20 тысяч. Строительство складов, арсеналов, казарм явно было направлено на то, чтобы «облегчить и ускорить перевозку войск из Японии. В нужную минуту воинские части будут посажены на суда в том виде, в котором они найдутся, то есть без снарядов, амуниции, запасов и т.п., без всякого груза, т.к. это заранее привезено, сложено и распределено по всей Корее»²⁶, - такой вывод делал консул А.С.Сомов.

На восточном корейском побережье японцы осуществляли большие фортификационные работы в Тэнсане, порте Лазарева и Гензане, на юге возводилась крепость в Масанпо.

Сами японцы устами своего чиновника объясняли свои воен-

данного округа. Именно здесь проходил кратчайший путь между Тихим океаном и Северной Маньчжурией, владение данной территорией в Корее также считалось весьма важным в плане обеспечения безопасности железнодорожной линии, соединяющей Владивосток с центральной Россией²⁹.

Серьезное беспокойство вызвали в ноябре 1909 г. мероприятия по «значительному увеличению числа готовых понтонов для наводного моста через р. Тумынь Ула около города Хориона, передвижению войска из Хамхына на север в Нанам ближе к нашей (русской. - И.В.) границе, посещение Главнокомандующим японской армии генералом бар. Окуба острова Мацусима»³⁰, имевшего важное стратегическое значение.

Генерал-резидент в Корее Ито «успокаивал»: «Мое искреннее желание - поддержать достоинство королевского дома Кореи и дать корейскому народу счастли-

«ТРАКТАТЫ - КАК СВЕЧИ»

ные приготовления следующим образом: «Мы смотрим на трактаты как на свечи. При счастливых обстоятельствах свеча сама догорит, но прежде чем вы поставите новую, наступит темнота и неизвестность. Для того чтобы темное время не застало нас врасплох, мы и укрепляемся»²⁷.

К 1 января 1909 г. в Корее находилось 7 пехотных, 2 кавалерийских, 1 артиллерийский полк и 1 саперный батальон. Кроме того, Япония располагала железнодорожными дорогами Чемульпо-Сеул, Фузан-Сеул с ветвью на берегу р. Ялу²⁸, вела активное продвижение на территорию плоскогорья Кандо, лежащего между Кореей и Китаем в непосредственной близости с Россией. Здесь уже с 1907 г. строились, несмотря на протесты китайцев, казармы, проводился телеграф. По мнению российских чиновников, отнюдь не плодородие местных почв или охрана корейского населения от китайских властей привлекала японцев. Главная причина виделась в стратегическом значении

вое существование. ...После блестящей войны Японии с Россией, - замечал Ито, - никто не станет сомневаться в том, что нам ничего не стоило бы подчинить себе Корею и делать там все, что нам заблагорассудится»³¹.

АННЕКСИЯ

Уход маркиза Ито Хиробуми с поста генерал-резидента, который связывали с критикой его системы руководства Кореей советом старейших государственных деятелей в Токио, был воспринят как поворот в корейской политике Японии в сторону скорейшего присоединения страны «утреннего спокойствия».

Пытаясь воспрепятствовать аннексионистским планам Японии, Извольский в беседе с Комурой указывал, что данный шаг со стороны Японии может повлечь за собой серьезные последствия, которые негативным образом повлияют на русско-японские отношения. Подобный акт с большой вероятностью, указывал Извольский, может привести к возбуж-

дению общественного мнения относительно агрессивных замыслов Японии по отношению к России. Но этот довод не вызвал серьезных опасений Мотоно, так как «...по его глубокому убеждению присоединение это в более или менее близком будущем совершенно неизбежно. Этого требует, - по словам Мотоно, - как внутреннее положение самой Кореи, так и национальные чувства Японии»³². Решение об аннексии Кореи было принято на заседании совета министров 6 июля 1909 г., и к концу 1909 г. военным министром Японии Тэраути Масатакэ был разработан ее план. Единственное, чего желала японская сторона - избежать излишних затрат на возможное противодействие корейского народа и свести до минимума компенсации России за основное нарушение Портсмутского договора.

Аннексия Кореи, конечно, была невыгодна России по геополитическим соображениям, но необходимость выиграть время для сооружения Амурской железной дороги и укрепления Владивостока, заинтересованность в маньчжурских территориях, слабость Китая и неверие в его состоятельность как союзника России требовали этой жертвы, тем более, что и Япония, по сообщениям русского посла Н.А.Малева Малевича стремилась к достижению соглашения с Россией. В депеше к Извольскому он писал: «Сила вещей толкает японцев к дальнейшему с нами сближению, первый шаг к чему был сделан в

1907 году в политическом соглашении. Мне думается, что настоящий момент весьма знаменателен для всего хода нашей дальневосточной политики: наши отношения с Японией дошли до той поворотной точки, от которой они должны идти или на прибыль, или на убыль»³³. Одобрение Николаем II курса на соглашение с Японией привело к принятию в Особом совещании 11 декабря 1909 г. решения о заключении соглашения с Японией на основе «...защиты обоюдных интересов в Маньчжурии и общности действий обоих Правительств по отношению к Китаю и третьим державам»³⁴.

4 июля 1910 г. русско-японское политическое соглашение было подписано, и уже 9 (21) августа 1910 г. император Японии и император Кореи заключили договор о присоединении последней к владениям Японии. Он не вызвал протеста российской стороны, которая считала акт присоединения Кореи к Японии предержавным. В первых двух статьях договора говорилось о полной, на вечные времена, передаче Японии всех прав суверенитета над Кореей и присоединении Кореи к Японии. Договоры, которые были заключены между Кореей и иностранными державами, утрачивали силу, и в действие вступали существующие договоры Японии. Данный договор значительно увеличил территорию Японии - с 174,033 кв. миль до 256,033 кв. миль, появилась сухопутная граница, и в непосредственном соседстве оказались

две континентальные империи: Россия и Китай³⁵.

Японская деятельность в аннексированной Корее началась с уничтожения корейской истории: были отменены все корейские праздники, упразднены корейские флаги. Все корейские политические общества были распущены, и отныне большое значение придавалось соответствующему воспитанию юных корейцев. Вместе с тем, японская сторона, стремясь как можно дольше использовать корейцев в качестве дешевой рабочей силы, не заботилась о повышении образовательного уровня местного населения, закрывая корейские школы³⁶. Основываясь на информации специального разведчика в Сеуле Кун Сяня, генконсул в Мукдене С. Колоколов подчеркивал, что обращение японцев с престоном народным населением Кореи совершенно такое же, «как с лошадьми и коровами»³⁷.

Императорский дворец был превращен в выставочный музей для помещения всякого рода предметов и произведений, куда был открыт доступ для желающих обозреть их публично. «Прах прежнего корейского императора, покоящийся в деревянном гробу, - писал С. Колоколов, - они выкопали и, сняв с него три золотых обруча, поместили их на выставку в качестве музейных редкостей»³⁸.

Корея освободилась от японского господства только после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

¹ Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979, с. 183.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 326, оп. 928, д. 7, л. 39.

³ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911. М., 1991, с. 328.

⁴ АВПРИ, ф. 150. Японский стол, оп. 493, д. 660, л. 23.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 877. Воейковы А.А. и С.А., оп. 1, д. 89, л. 8-8 об.

⁶ ГАРФ, ф. 818. Плансон Г.А., оп. 1, д. 150, л. 2 об.

⁷ Там же, л. 3-3 об.

⁸ Там же, д. 149, л. 6-7.

⁹ Там же, л. 5.

¹⁰ Там же, д. 150, л. 10.

¹¹ Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М., 1997, с. 252.

¹² АВПРИ, ф. 195. Посольство в Токио, оп. 529, д. 197, л. 3.

¹³ ГАРФ, ф. 818, оп. 1, д. 149, л. 3-3 об.

¹⁴ Там же, д. 163, л. 75.

¹⁵ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 206, л. 33.

¹⁶ ГАРФ, ф. 818, оп. 1, д. 163, л. 75 об.

¹⁷ АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 199, л. 159.

¹⁸ Там же, л. 250.

¹⁹ ГАРФ, ф. 818, оп. 1, д. 163, л. 62-63.

²⁰ Пак Б.Д. Указ. соч., с. 214.

²¹ АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 197, л. 61.

²² Там же, д. 198, л. 74.

²³ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 206, л. 32 об.

²⁴ ГАРФ, ф. 555. Гучков А.И., оп. 1, д. 460, л. 4.

²⁵ АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 197, л. 3, 96.

²⁶ Там же, д. 198, л. 10.

²⁷ АВПРИ, ф. 283. Генконсульство в Сеуле, оп. 766, д. 76, л. 85.

²⁸ Там же, л. 44, 93-94, 99.

²⁹ АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 243, л. 27.

³⁰ Там же, д. 199, л. 26-27.

³¹ Там же.

³² АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 206, л. 202 об.

³³ Цит. по: Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов, 1907-1929. Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2005, с. 17-18.

³⁴ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 206, л. 165.

³⁵ Там же, д. 210, л. 77.

³⁶ АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 200, л. 16, 179, 185-190.

³⁷ АВПРИ, ф. 267. Генконсульство в Мукдене, оп. 558, д. 9, л. 5.

³⁸ Там же.